

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О НАЧАЛЕ «НИСХОДЯЩЕЙ» СТАДИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

В. А. Голобуцкий

В статье академика М. В. Нечкиной¹ поставлена на обсуждение одна из важнейших проблем истории нашей Родины, связанная в первую очередь с вопросами периодизации эпохи позднего феодализма и времени зарождения капиталистических отношений в России. Начало «нисходящей» стадии феодальной формации М. В. Нечкина справедливо связывает с наступлением несоответствия между характером производительных сил и существующими производственными отношениями. В сфере промышленности, по ее мнению, оно нашло свое выражение в появлении централизованной мануфактуры, в области же сельского хозяйства — в утрате крестьянским хозяйством возможности простого воспроизводства². На наш взгляд, нельзя согласиться с выдвинутыми автором критериями. Нам представляется, что появление централизованной мануфактуры и утрата крестьянским хозяйством способности к простому воспроизводству свидетельствуют не столько о наступлении «нисходящей» стадии феодализма, сколько о том, что последний проделал уже значительный путь в своем движении по нисходящей линии. М. В. Нечкина не указывает, к сожалению, к какому именно времени следует отнести начало «нисходящей» стадии феодализма в России.

Выступивший в дискуссии А. М. Сахаров³, высказав интересные и правильные соображения относительно «восходящей» стадии феодализма, считает, что русский феодализм вступил в «нисходящую» стадию не ранее второй половины XVIII века⁴. Таким образом, А. М. Сахаров игнорирует, на наш взгляд, то существенное обстоятельство, что усиление крепостничества было связано не с развитием феодализма, а с началом его разложения, со стремлением феодалов приспособиться к новым экономическим условиям, сохранив и укрепив старые производственные отношения.

Существуют и другие точки зрения по вопросу о времени и оценке отдельных этапов развития феодализма в нашей стране. Так, академик С. Д. Сказкин придерживается взгляда, что уже с XV—XVI вв. европейские страны, расположенные к востоку от Эльбы, в том числе и Россия, переживали эпоху хозяйственного регресса. Справедливо указывая на то, что начало «второго издания крепостничества» относится к XVI столетию, С. Д. Сказкин пытается объяснить это явление чисто внешними причинами⁵. С таким утверждением вряд ли можно согласиться, так как

¹ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7.

² Там же, стр. 91, 98, 104, 108.

³ А. М. Сахаров. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России. «Вопросы истории», 1959, № 1.

⁴ Там же, стр. 107.

⁵ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 97, 113—115.

усиление крепостничества обуславливалось прежде всего особенностями внутреннего развития восточноевропейских стран. Академик С. Г. Струмилин полагает, что начало разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений в России имело место «не позже XVII в.»⁶. Б. Б. Кафенгауз пишет в той же связи: «XVII же век нужно считать временем позднего феодализма, для которого характерны некоторые элементы буржуазного характера»⁷. В. К. Яцунский, касаясь вопроса о генезисе капитализма в России, замечает, что «начальная грань лежит в пределах XVII в., а заключительным моментом является 1861 г., когда уклад превратился в формацию»⁸.

Какое же содержание вкладывается в понятие «нисходящая» стадия феодализма, и тождественно ли оно другому, более употребительному — «разложение» феодализма? По нашему мнению, это два совершенно равнозначных понятия. Общим критерием для определения начала «нисходящей» стадии феодализма является несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Но проявляется ли последнее лишь в возникновении централизованной мануфактуры и в неспособности крестьянского хозяйства к простому воспроизводству, как полагает М. В. Нечкина? Очевидно, нет. О начавшемся разложении феодализма свидетельствуют новые явления не только в экономической, но также в политической и идеологической области, по природе своей противоречащие сущности классического феодализма. Эти явления возникают не сразу, а обычно представляя собою результат развития, иногда весьма длительного. Только учитывая все эти обстоятельства, можно удовлетворительно решить поставленную проблему.

Какими чертами характеризовалось сельское хозяйство периода «восходящего» феодализма? По словам В. И. Ленина, оно отличалось следующими главными признаками: натуральным характером; наличием средств производства и земли у непосредственного производителя; личной зависимостью крестьянина от феодала; низким, рутинным состоянием техники⁹. По мнению многих советских исследователей, явное нарушение этих признаков началось уже в XVI в., а в отдельных районах даже в конце XV века. В первую очередь в ходе развития производительных сил — углубления общественного разделения труда, отделения ремесла от земледелия, возникновения новых городов и развития товарно-денежных отношений — стал нарушаться основной признак классического феодального хозяйства — его натуральный характер. Одним из первых это обстоятельство отметил академик М. Н. Тихомиров¹⁰. Начавшееся преодоление замкнутости феодального хозяйства убедительно раскрыто также в работах академика Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина¹¹ и др. Б. Д. Греков показал, в частности, происходившее в 40—90-х годах XVI в. вытеснение вотчинного ремесла вольным¹². С. В. Бахрушин пришел к такому же выводу¹³.

⁶ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. М. 1954, стр. 90.

⁷ Б. Б. Кафенгауз. Вопросы истории русской экономической мысли. «Вопросы экономики», 1953, № 10, стр. 106.

⁸ В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5, стр. 59, 90.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Монастырь — вотчинник XVI в. «Исторические записки». Т. 3, стр. 150, 152 и др.

¹¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. 1946; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I. М. 1952; т. 2, М. 1954.

¹² Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома в XVI—XVII вв. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 33. Л. 1926, стр. 223—269.

¹³ С. В. Бахрушин. Указ. соч. Т. I, стр. 29.

Процесс разрушения замкнутости феодального хозяйства происходил, разумеется, в одних местностях раньше, в других позже. Однако повсюду он был связан с развитием общественного разделения труда и рыночных связей. Под влиянием роста товарно-денежных отношений феодалы стремились увеличить товарность своего хозяйства. Папский нунций Ф. Руггieri, например, писал в 1565 г. о польской шляхте, что она «не занимается не чем иным, как только земледелием и выращиванием скота»¹⁴. Другой современник, С. Старовольский (1588—1656), отмечал, что шляхтичи давно перестали заниматься рыцарским ремеслом, «так как все, кто побогаче, торгуют волами, лошадыми, вином, медом, водкой, перцем, сельдями, рыбой, дичью и всяким хлебом», а также изделиями сельского ремесла¹⁵.

Укрепление связей феодального хозяйства с рынком в странах, расположенных к востоку от Эльбы, привело к закреплению остатков свободных крестьян и усилению феодально-крепостнической эксплуатации в целом. Это правильное положение было развито Б. Д. Грековым¹⁶. Он же обратил внимание и на другое не менее примечательное явление того времени. Стремясь приспособить свое хозяйство к новым условиям, феодалы во многих случаях наряду с эксплуатацией крепостных крестьян переходят к использованию наемного труда. В хозяйстве новгородского митрополита, например, уже в первой половине XVI в. было около 100 наемных людей, занятых как на полевых работах, так и на рыбных промыслах¹⁷. До Б. Д. Грекова мысль о распространении наемного труда в сельском хозяйстве XVI в. высказал М. А. Дьяконов. «Наем личных услуг, — писал он, — составлял отнюдь не редкое явление в строе хозяйства как монастырского, так и светских частных владельцев»¹⁸. Наемный труд применялся также в шляхетском, фольварочном хозяйстве на Украине. Польский хронист первой половины XVII в. Окольский усматривал причину неудач в борьбе с крестьянами и казаками в том, что шляхта привыкла смотреть на «чернь, как на своих пастухов и поденщиков»¹⁹.

Внедрение наемного труда в барское хозяйство уже в XVI в. наряду с ростом товарности последнего являлось еще одним важным признаком начавшегося разложения натурального хозяйства. «Но дело не в том, — пишет Б. Д. Греков, — что подобные явления встречались задолго до XVI в., а в том, что именно теперь четко осознается преимущество труда свободных людей и зависимых крестьян перед трудом рабов»²⁰. Однако Б. Д. Греков не выяснил, чем именно диктовалось применение в феодальной вотчине в одних случаях наемного, а в других — крепостного труда. Между тем эти виды труда различны по своей природе, и, вероятно, предпочтение одного другому не могло быть, как казалось Б. Д. Грекову, делом случая.

Что же имело место в действительности? Немалый интерес для ответа на этот вопрос представляют работы П. Ф. Баканова и В. Г. Геймана о вотчинах боярина Б. И. Морозова в XVII веке. Последний основал ряд предприятий; причем особое развитие получили у него производство поташа, железодельный промысел и винокурение²¹. До 60-х годов, как

¹⁴ «Relacyonycuszów apostolskich w Polsce (1548—1690)». Т. I. Poznań-Berlin. 1864, str. 126.

¹⁵ S. Gargas. Geschichte der Nationalökonomie im alten Polen, Berlin. 1925, S. 87—88.

¹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 6.

¹⁷ Там же, стр. 582.

¹⁸ Там же, стр. 583.

¹⁹ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. II. Киев. 1896, стр. 224—225.

²⁰ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 584.

²¹ П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII века. «Вопросы истории», 1953, № 5; В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Морозова. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. «Вестник АН СССР». Л. 1933, № 6, стр. 19—30.

показывает П. Ф. Баканов, на промыслах Морозова преобладал крепостной труд, в то время как наемный труд применялся еще в ограниченных размерах. Однако с 60-х годов картина резко изменилась: на промыслах, перешедших во владение к другим лицам, стал применяться почти исключительно наемный труд²². Не менее интересны данные о применении Морозовым наряду с крепостным наемного труда и в сельском хозяйстве²³, хотя последний не получил здесь такого развития, как на промыслах. «Следовательно, — пишет П. Ф. Баканов, — в противоположность сельскому хозяйству наемный труд в промышленности получил в XVII в. беспорное признание — без него не могло уже развиваться возникавшее промышленное товарное производство». При этом автор подчеркивает, что применение наемного труда, еще опутанного в тот период феодальными пережитками, эволюционировало «в сторону капиталистической формы эксплуатации»²⁴. Весьма важное значение для выяснения роли наемного труда в XVII в. имеет статья И. В. Степанова о рабочих людях в Поволжье. В XVII в. здесь развернулась «широкая хозяйственная деятельность торговых и промышленных людей ...из посадских... крепостных крестьян и других слоев русского общества... — пишет автор. — Волжские рыбные и соляные промыслы, а также судоходство уже в XVII в. обслуживались преимущественно трудом наймитов»²⁵. Указывая на то, что «потребность ...в рабочей наемной силе удовлетворялась, главным образом, за счет пришлого из внутренней полосы Русского государства люда», И. В. Степанов подчеркивает, что в Поволжье крепостнические отношения были развиты сравнительно слабее, чем в центральных районах страны, а это не могло не способствовать развитию промыслового хозяйства на основе применения наемного труда²⁶. Другой исследователь, Н. В. Устюгов, убедительно показал, что работы на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. тоже выполнялись почти исключительно наемными людьми²⁷. По подсчетам П. А. Колесникова, только между Устюгом Великим и Вологдой в тот же период было занято ежегодно около 10 тыс. наемных рабочих²⁸.

Указанные выше работы помогают ответить на вопрос, где именно в XVI—XVII вв. стал преимущественно применяться наемный труд, в каких отраслях производства и в каких областях страны. Б. Д. Греков обратил внимание на то, что наемный труд в указанное время проникал в хозяйство феодалов крепостнического центра. При этом, однако, он не заметил, что более благоприятные по сравнению с центром условия для распространения наемного труда открывали в этот период окраины страны. Здесь, в районах, большей частью недавно колонизованных, крепостнические отношения были развиты сравнительно слабее, а иногда и вовсе отсутствовали. А. А. Новосельский, например, показал, каких усилий стоило в XVII в. правительству распространение в угоду феодалам крепостнических отношений на южные, заселенные преимущественно вольным людом районы Русского государства²⁹. На неодинаковую сте-

²² П. Ф. Баканов. Указ. соч., стр. 101.

²³ Там же, стр. 99—100.

²⁴ Там же, стр. 102. Нельзя, однако, согласиться с заявлением П. Ф. Баканова, будто использование труда «деловых наемных» людей в XVII в. «ничего общего не имело с капиталистической формой эксплуатации» (стр. 100). Столь же ошибочно утверждение автора, что «собственно барское товарное производство не разлагало натурального хозяйства вотчины» (стр. 102).

²⁵ И. В. Степанов. Гулящие — рабочие люди в Поволжье в XVII веке. «Исторические записки». Т. 36, стр. 142.

²⁶ Там же.

²⁷ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII века. «Исторические записки». Т. 34, стр. 166—187.

²⁸ П. А. Колесников. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. «История СССР», 1958, № 2, стр. 131—143.

²⁹ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке. «Исторические записки». Т. 4.

пень развития крепостничества в центре и на окраинах указал также Л. В. Черепнин³⁰.

Таким образом, работы, в которых вопрос о закреплении в XVI—XVII вв., связанном с развитием товарно-денежных отношений, рассматривается безотносительно к территории, явно страдают односторонностью. К сожалению, для выяснения проблемы распространения крепостничества вширь сделано очень мало. Между тем без этого невозможно понять особенности, присущие «нисходящей» стадии феодализма в странах к западу и к востоку от Эльбы. Действительно, в Нидерландах, Англии и отчасти во Франции в период ускорившегося развития товарно-денежных отношений, а возможно, еще и до этого, свободные пространства, которые могли бы стать объектом колонизации, оказались почти исчерпанными.

Развитие товарно-денежных отношений, подстегнутое вовлечением этих стран в международные экономические связи, пошло здесь вглубь более быстрыми темпами и феодальное хозяйство раньше вступило на путь буржуазного развития.

В странах к востоку от Эльбы — Пруссии, Польше, Литве, России — наличие громадных, свободных для колонизации пространств на окраинах, с одной стороны, и оторванность от морских путей, что в особенности характерно было для России, — с другой, замедлили развитие товарно-денежных отношений. Усиление крепостнической эксплуатации начиная с XV в. привело здесь к такому типичному для этих стран явлению, как передвижение части населения, в первую очередь сельского, на окраины. Хозяйственное освоение последних, несомненно, несколько задержало развитие товарно-денежных отношений³¹. Однако степень этого замедления была для разных частей страны далеко не одинаковой, что объяснялось главным образом особенностями хозяйства различных районов. В земледельческих, то есть преимущественно в центральных частях страны, рост товарно-денежных отношений и, следовательно, разложение натурального хозяйства происходили медленнее. В районах с заметным преобладанием промыслов развитие новых отношений, несмотря на неблагоприятные условия, шло значительно быстрее.

Все это касается прежде всего помещичьего хозяйства. В каком бы районе оно ни находилось, вовлечение его в рыночные связи, не говоря уже о переходе хотя бы к спорадическому применению наемного труда³², свидетельствует о начале «нисходящей» стадии феодализма. Существующие данные позволяют отнести этот рубеж к XVI—XVII, а в отдельных случаях даже ко второй половине XV века. Однако многое из того, что было выше сказано о помещичьем хозяйстве, применимо и к крестьянскому. В литературе уже была высказана мысль о начавшемся в конце XV—начале XVI в. расслоении крестьянства. Это положение, по нашему мнению, убедительно аргументировано в работах Б. Д. Грекова, С. Г.

³⁰ Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки». Т. 4, стр. 53. В последнее время этот вопрос затронут В. И. Корецким (В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. «История СССР», 1957, № 1, стр. 187).

³¹ В. И. Ленин указывал на то, что развитие капитализма вглубь (и, следовательно, разложение феодальных отношений) в старой, издавна заселенной территории задерживается вследствие колонизации окраин. Возможность ухода крестьян на новые земли ослабляла остроту социальных противоречий и замедляла их разрешение. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал: «Само собою разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 522.

³² «Наряду с общественным идет географическое разделение труда, выделяются специализированные промысловые районы, куда устремляются в поисках заработка оброчные крестьяне, зачастую выступающие в роли наемных работников». В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства. Л. 1951, стр. 53.

Струмилина, А. А. Преображенского и др.³³. Примеры появления в деревне прослойки богатых крестьян приводит и С. В. Бахрушин³⁴. Процесс выделения богатой верхушки в украинском селе XVI—XVII вв. исследован Е. Дракохруст³⁵, М. Горном³⁶, Ю. Гроссманом³⁷. Все они отмечают факты основания богатыми крестьянами торговых предприятий, аренды фольварков, предоставление значительных денежных ссуд своим господам и, наконец, выкупа на волю. Кстати, о последнем, как о довольно распространенном в Польше, явлении говорил и упомянутый уже выше нунций Руггиери³⁸.

Другой стороной процесса расслоения в деревне явилось образование групп малоимущих и неимущих крестьян. В русских документах XVII в. упоминаются крестьяне «одноконные и безконные»³⁹, гулящие люди и т. д. На Украине тогда же появились такие категории крестьян, как загородники, коморники, халупники, гультяи и др., частично или полностью лишившиеся земли и средств производства. К сожалению, вопрос о том, в каких именно областях крестьянство расслаивалось преимущественно под влиянием крепостнической эксплуатации, а в каких под непосредственным воздействием товарно-денежных отношений, до сих пор еще детально не изучен.

Едва ли не самым примечательным явлением в жизни деревни указанного времени наряду с развитием рыночных связей нужно считать проникновение в крестьянское хозяйство наемного труда. 26 января 1637 г., например, севский воевода сообщал в Москву, «что из Ноугородского уезда Северского из разных сел и деревень пашенные литовские и русские мужики приходят в Севской уезд... в села и в деревни найматца у крестьян для всякой работы и живут в работе у камарницких крестьян недели по три и по четыре и больше»⁴⁰. Факты применения наемного труда в крестьянском хозяйстве приводит П. Ф. Баканов. Немалый интерес в этом отношении представляет также работа З. А. Огризко⁴¹. Проникновение наемного труда в крестьянское хозяйство имело место и на Украине. Анонимный польский автор XVI в. заметил в связи с этим: «Крестьянин не ищет долго наемника, когда в нем нуждается, ибо имеет его у себя дома (в селе)»⁴². Конечно, исследователи по-разному подходят к характеристике наемного труда в указанную эпоху. Одни, как А. М. Панкратова, выдвигают тезис о кабальном характере найма⁴³. Другие (например, В. К. Яцунский) утверждают, что появление наемного труда не является признаком зарождения буржуазных отношений⁴⁴.

Нельзя согласиться с тем, что для констатации зарождавшихся бур-

³³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 616—734 и др.; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I, стр. 49—51 и др.; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М. 1956, стр. 198 и др.

³⁴ С. В. Бахрушин. Торговые крестьяне в XVII в. «Научные труды». Т. II. М. 1954, стр. 125—127, 133.

³⁵ Е. Дракохруст. Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков. «Вопросы истории», 1948, № 1.

³⁶ См. его диссертацию «Классовая борьба крестьян Русского воеводства накануне освободительной войны 1648—1654 гг.»

³⁷ См. его диссертацию «Экономическое положение королевских крестьян Червонной Руси первой половины XVII в.»

³⁸ «Relacye pyncyuszów...», стр. 128—129.

³⁹ П. Ф. Баканов. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁰ Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА), ф. Сношения России с Польшей, 1637, д. 1, лл. 20—21.

⁴¹ З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII века. «Вопросы истории», 1953, № 10.

⁴² S. Gargas. Poglądy ekonomiczne w Polsce XVI w. Wyd. 2. Lwów. 1903, str. 106.

⁴³ См. А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII веке. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952.

⁴⁴ См. В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России, стр. 66.

жуазных отношений в России и вообще в странах к востоку от Эльбы следует искать какие-то особые признаки. Применение наемного труда в условиях развивающегося в недрах феодализма товарно-денежного хозяйства является, на наш взгляд, вполне достаточным показателем возникновения и развития буржуазных отношений⁴⁵.

Кроме того, возникает вопрос: в каких именно районах существовали более благоприятные условия для применения наемного труда? Естественно предположить, что такими были те области, где крепостничество отсутствовало или было развито слабее. В сельскохозяйственных районах, главным образом центральных (исключая прилегающие к торгово-ремесленным центрам), распространение наемного труда шло гораздо медленнее, чем в промысловых, главным образом окраинных. «Особенности социально-экономического развития севера (сохранение черносошного крестьянства, значительное втягивание деревни в товарно-денежные отношения, отсутствие поместного землевладения), — пишет, например, З. А. Огризко, — обусловили рост имущественной дифференциации крестьян на севере в XVI—XVII вв... В хозяйстве крепких, зажиточных крестьян... находил применение наемный труд»⁴⁶. Известно, что и в Сибири, а также в южных и юго-восточных районах России, по преимуществу промысловых, наемный труд также получил сравнительно широкое применение⁴⁷. Казачий атаман Фрол Минаев (XVII в.) сообщал, например, что на Дону имеются «бурлаки, которые живут между людьми, а не своими куренями»⁴⁸. О распространении найма у яицких казаков в связи с развитием промыслового хозяйства (XVII—XVIII вв.) пишет И. Г. Рознер⁴⁹. Аналогичные факты наблюдались на Украине. Казацкий летописец, описывая освободительную войну 1648—1654 гг., с огорчением замечал, что тогда «трудно било о наймигах»⁵⁰.

Каждое из рассмотренных выше явлений в отдельности — вовлечение хозяйства в рыночные связи, расслоение крестьянства, применение наемного труда и др. — и в еще большей мере все они, вместе взятые, свидетельствуют о начавшемся в XV—XVI вв. разложении натурального хозяйства. Это является несомненным признаком начала «нисходящей» стадии феодализма.

Происходившее в XV—XVI вв. дальнейшее углубление общественного разделения труда способствовало ускорению процесса отделения ремесла от земледелия, возникновению и развитию городов. Советские историки уже давно обратили внимание на тот факт, что с XVI в. начинается период особенно быстрого роста русских городов. По подсчетам П. П. Смирнова, из 113 городов, известных в XVI в., 45, то есть почти 40%, были основаны в течение этого столетия⁵¹. А. А. Зимин, пересмотревший

⁴⁵ Правы в этом отношении С. Г. Струмилин (С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I, стр. 93—94) и Н. И. Павленко (Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России. «Исторические записки». Т. 54, стр. 40).

⁴⁶ З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 87.

⁴⁷ См. А. М. Панкратова. Указ. соч.

⁴⁸ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 70.

⁴⁹ См. И. Г. Рознер. Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. «Научные записки» Киевского финансово-экономического института. Т. VII. 1959.

⁵⁰ «Летопись Самовидца». При этом весьма интересно то, что наемный труд применялся не только в казацком, но и в старшинском хозяйстве. Русский посланец Ив. Фомин, например, сообщил 13 августа 1653 г.: «Прислал де.. из пасек гетман Богдан Хмельницкой челядника своего» («Акты Юго-Западной России». Т. III. СПб. 1861, стр. 498. О том, что под челядником разумеется наемный работник, см. «Акты Юго-Западной России». Т. X. СПб. 1878, стр. 272—273).

⁵¹ См. П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.-Л. 1947, стр. 77.

этот вывод П. П. Смирнова, считает, что уже в первой половине XVI в. городов было значительно больше (до 160, а во второй половине того же века появилось еще 70)⁵².

Важнейшей чертой «гороδοобразующего» процесса было возникновение торгово-ремесленных пунктов в районах со слабым развитием крепостнических отношений, иными словами — на окраинах страны. На севере в XVI в. это были Архангельск и Кола, в Поволжье — Самара, Саратов, Царицын, а также Уфа (всего до 20 городов), в Западной Сибири — Тюмень, Тобольск, Нарым (и свыше 10 других), на южных «украинах» — Курск, Воронеж, Орел, Елец, Белгород (всего более 20) и т. д.⁵³. Новые города в отличие от старых являлись торгово-ремесленными центрами, хотя многие из них возникли первоначально в виде крепостей. В то же время увеличивалось значение старых городов — Москвы, Новгорода, Пскова и др.

В трудах академиков М. Н. Тихомирова⁵⁴ и Б. А. Рыбакова⁵⁵, а также К. Н. Сербиной⁵⁶ и др. подчеркивается относительно высокая степень развития ремесла и торговли в XVI веке. М. Н. Тихомиров, например, обосновал мысль о переходе в XV в. от работы на заказчика к производству на рынок⁵⁷. С. В. Бахрушин обратил внимание на специализацию отдельных ремесел⁵⁸.

До сих пор, однако, не выяснен до конца основной вопрос: когда началось разложение средневекового ремесла и зарождение мануфактуры? «Первые предприятия, поднявшиеся своими размерами над массой ремесленных и кустарных заведений, — указывает П. Г. Любомиров, — появились в Московской Руси еще в XVI в. ...более определенно можно говорить о мануфактуре в России в XVII в., особенно начиная с 30-х годов. Большинство этих... предприятий было организовано по типу небольших централизованных мануфактур»⁵⁹. П. Г. Любомиров пришел к выводу, что купеческие мануфактуры, основанные почти целиком на наемном труде, в металлообрабатывающей, судостроительной, селитренной, стекольной, поташной, винокуренной, канатной и лесопильной промышленности преобладали над дворянскими, применявшими принудительный труд⁶⁰. С. Г. Струмилин, полемизируя с Н. Л. Рубинштейном, который относит зачатки капиталистической мануфактуры лишь к XVIII в., отмечает, что «в России они нащупываются не позже XVII в.»⁶¹. Однако общим недостатком почти всех исследований по истории промышленности в России следует признать то, что авторы их занимаются исключительно историей возникновения централизованной мануфактуры, игнорируя более раннюю форму — рассеянную мануфактуру.

⁵² См. А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в. «Исторические записки». Т. 52, стр. 337; ср. М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки». Т. 40, стр. 214—260.

⁵³ См. А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 337—338.

⁵⁴ См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1946; его же. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М. 1957.

⁵⁵ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948.

⁵⁶ См. К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М. 1954.

⁵⁷ См. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города; его же. Средневековая Москва в XIV—XV веках, стр. 74—90.

⁵⁸ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1, стр. 57.

⁵⁹ П. Г. Любомиров. Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII вв. «Исторические записки». Т. 16, стр. 66.

⁶⁰ См. там же, стр. 70—72. Примечательна в этом отношении фигура купца Н. Светешникова, основателя первого в России медеплавильного завода. П. Г. Любомиров называет его одним «из крупнейших капиталистов первой половины XVII в.». Там же, стр. 71.

⁶¹ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. 1, стр. 90.

Процесс разложения средневекового ремесла и зарождения первых мануфактур отчетливо прослеживается на Украине. Городские ремесленники здесь были объединены в цехи. С углублением в конце XV—XVI вв. процесса общественного разделения труда и развития рыночных связей цеховые уставы начинают тщательно регламентировать все стороны производства и сбыта (число подмастерьев и учеников, продолжительность рабочего дня, количество и качество изделий и т. д.). Всячески затрудняется возможность получения звания мастера⁶², усложняются правила для учеников. От последних требуется, например, «чистота происхождения», принадлежность к определенной религии и т. п. Такого рода мерами сокращался допуск в цехи новых членов, цеховые мастера стремились превратить эти ремесленные объединения в замкнутые наследственные корпорации.

Процесс углубления общественного разделения труда вел, однако, к увеличению числа внецеховых ремесленников, так называемых партачей. Количество их росло за счет ремесленников, приходивших из деревни, и подмастерьев, оказавшихся по тем или иным причинам вне своих цехов. К середине XVII в. во Львове, например, партачи составляли уже около 40% общего количества городских ремесленников⁶³. Местом поселения партачей были обычно городские окраины. Цехи, стремясь сохранить свою монополию, вступают в ожесточенную борьбу с партачами: запрещают им заниматься ремеслом в городе и продавать свои изделия на городском рынке, разоряют их мастерские и т. д. Однако эти меры не могли остановить процесса развития внецехового производства и разложения цехов. Усиливается имущественное неравенство среди самих цеховых ремесленников. Отдельные разбогатевшие мастера, например, стремятся увеличивать, вопреки цеховым правилам, запасы сырья с целью расширения производства. В 1616 г. львовские капелюшники (шапошники) подали жалобу в городскую ратушу на своих цехмистров, которые, нарушая существовавшие правила, заготовили огромные запасы шерсти на сумму свыше 10 тыс. флоринов. В результате расследования жалоба была признана справедливой⁶⁴. Почти во всех цехах, особенно в тех, которые работали на широкого потребителя, появляется деление на «черных» мастеров, занимавшихся простой работой, и на привилегированных⁶⁵.

Цехи, которые находились ближе к потребителю (в смысле места, занимаемого в производственном процессе), стремились подчинить себе тех ремесленников, которые были в менее благоприятных условиях по отношению к рынку. Так, бродские гаптари (позументщики) подчинили себе к 1646 г. едwabников (атласников) и красильщиков шелка⁶⁶. Львовские сапожники, кожи которым раньше выделывали местные скорняки, в первой половине XVII в. добились права самим обрабатывать кожи или закупать их на стороне и этим поставили скорняков в зависимое от себя положение. Отдельные мастера, грубо попирая цеховые уставы, увеличивали количество подмастерьев и учеников. Львовский портной Яков Соколовский (первая половина XVII в.) вместо положенных ему трех подмастерьев и одного ученика эксплуатировал труд десяти подмастерьев, не считая учеников⁶⁷. Таким образом, цехи не могли избегнуть

⁶² Во Львове в первой половине XVII в. для приобретения звания мастера подмастерье-столяр должен был внести вступительный взнос в размере 40, а сапожник — 100 злотых. Кроме того, он должен был принадлежать к львовским гражданам и обладать недвижимым имуществом в городе. «Нариси історії Львова». Львів. 1956, стр. 38.

⁶³ Там же, стр. 40.

⁶⁴ См. L. Chagewiczowa. Lwowskie organizacje zawodowe za czasów Polski przedrozbiorowej. Lwów. 1929, str. 90—91.

⁶⁵ «Нариси історії Львова», стр. 39.

⁶⁶ См. И. Сознанский. З минувшини м. Бродів. «Наукові записки т-ва ім Шевченка». Т. VI. Львів. 1910, стр. 19.

⁶⁷ «Нариси історії Львова», стр. 40—41.

влияния новых экономических условий. Искусственная нивелировка производства и сбыта, находившая свое выражение в цеховых уставах, шла вразрез с общим направлением хозяйственной жизни — ростом производства и расширением рынка. Цеховые ремесленники сами стали втягиваться в новые отношения. В XVI—XVII вв. появились признаки начавшегося разложения цехов⁶⁸.

Не менее важным является вопрос о том, как складывались отношения между цеховыми ремесленниками, с одной стороны, партачами и скупщиками — с другой, поскольку все они так или иначе претендовали на право производства и продажи ремесленных изделий. Цехи пытались поставить партачей вне закона⁶⁹. Положение последних было крайне тяжелым. Лишенные, по существу, возможности продавать свои изделия в городе из-за цеховых запретов, а также отвезти их на дальние рынки из-за отсутствия средств, партачи, естественно, должны были обращаться к посредникам — скупщикам, хорошо знакомым с рынком. В. И. Ленин отмечал, что уже та ступень в организации ремесла, когда скупщик изделий начинает расплачиваться теми сырыми материалами, которые нужны «кустарю», означает крупный шаг в развитии буржуазных отношений⁷⁰.

В XVI—XVII вв. в результате торговых операций в руках купцов уже сосредоточились значительные денежные капиталы. Посредники не только скупали готовые изделия, но и всячески стремились организовать труд внецеховых ремесленников, приспособить его к нуждам рынка. Луцкие купцы в 1539 г. закупали сукна, кожи и другие материалы и раздавали их отдельным ремесленникам, а изготовленные последними изделия продавали на сельских торжках и ярмарках⁷¹. Каменецкие купцы таким же образом организовывали в XVI в. производство сукон, одеял (колдр), епанчей и кафтанов⁷². Ремесленники, в первую очередь внецеховые, попадали во все большую зависимость от скупщиков. Большинство бродских ремесленников, например, в первой половине XVII в. начало брать материалы в кредит у купцов, причем иногда на значительные суммы⁷³. Во второй половине XVI в. между цехом львовских купцов и цехом ткачей возникла тяжба. Купцы добивались у городского магистрата исключительного права на закупку и продажу сырья — льноволокна. В 1566 г. они при поддержке городских властей одержали победу и ткачи вынуждены были признать свою зависимость в деле закупки сырья⁷⁴. Если даже цехи оказывались в середине XVI в. в столь тяжелой ситуации, то легко представить себе, в каком положении находились партачи. Скупщики часто сосредоточивали в своих руках значи-

⁶⁸ Показателем этого являлся и упадок авторитета цеховых органов. В 1617 г. цехмистры кузнечного цеха Львова трижды тщетно вызывали на цеховое собрание мастера Томаша Дзвоника (L. Chagewiczowa. Указ. соч., стр. 107). Вместе с тем отдельные цехмистры стремились воспользоваться в личных целях своими должностями и закрепить их за собой пожизненно. В своей челобитной царю в 1654 г. киевские ремесленники просили издать указ: «цехмистровства чтоб никто не присвоил себес». («Акты Юго-Западной России». Т. X, док. 13).

⁶⁹ В 1660 г. киевские цеховые мастера просили правительство издать указ, согласно которому «болши четырех сотен ремесленных никого (б) не было... именно цехмистром: портному, скорнячному, сапожному, кузнечному, а иным всяким ремесленным людям быть под теми цехами» (Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 746; «Дополнения к актам историческим». Т. VII. СПб. 1859, доп. 27, стр. 162). Цеховые мастера часто пытались путем насилия заставить партачей прекратить работу. В первой половине XVII в. вооруженные ватаги львовских цеховых мастеров нападали на дома партачей, отнимали у них готовые изделия и уничтожали орудия труда. (Филиал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) УССР во Львове, ф. Львовские городские книги, дд. 337, 344, 360, 368—369).

⁷⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 320.

⁷¹ См. С. А. Бершадский. Документы и регесты к истории литовских евреев. Т. I (1388—1550). СПб. 1882, док. 179.

⁷² «Архив Юго-Западной России». Т. V, ч. 1, К. 1869, стр. 125.

⁷³ См. И. Сознанский. Указ. соч., стр. 12.

⁷⁴ См. L. Chagewiczowa. Указ. соч., стр. 84.

тельное количество готовых изделий. В 1643 г. львовский цех меховщиков подал жалобу на купцов, которые, продавая партачам сырье, закупали у них выделанные меха⁷⁵. В 1654 г. львовские цехи оружейников, мечников и слесарей жаловались на партачей, которые, проживая «под разной юрисдикцией, чинят препятствия цеховой братии в закупке материалов... и подмастерьев цеховых к себе разными дарами и обещаниями более высокого заработка переманивают». Готовые изделия, говорилось в жалобе, партачи продают частью сами, а частью через торговцев⁷⁶. Аналогичное положение наблюдалось в ювелирном деле. В связи с этим в 1599 г. был издан декрет, запрещающий ювелирам «выполнять какую бы то ни было работу на купцов»⁷⁷. Запрещение это, впрочем, так и осталось на бумаге. В первой половине XVII в. к услугам партачей прибегали не только купцы, но и, что особенно примечательно, разбогатевшие цеховые мастера-ювелиры, причем делалось это «в большой тайне»⁷⁸.

В 1625 г. львовские цехи седельников и шорников подали в суд жалобу на купца Аведиковича, который «имеет торговые контракты с ремесленниками Острога, Гологор и других городов и раздает работу городским партачам, в результате чего у него в лавке заготовлено товаров столько, что хватало бы на всех нас». Суд решил «запретить Аведиковичу занимать у себя партачей, раздавать ремесленникам из предместья материалы для работы». Защитник Аведиковича, Зиморович, заявил на суде, что покупатели предъявляют спрос на такие товары, которых львовские цеховые ремесленники производить не умеют⁷⁹. Следовательно, Зиморович хотел убедить суд, что, раздавая работу партачам, купец заботился лишь о нуждах потребителей, выполняя свой «долг» по отношению к ним. Аведикович был купцом, организовавшим работу на дому ремесленников-партачей, фактически превратившим их в своих наемных рабочих. Такие купцы-предприниматели в XVI — начале XVII в. не являлись исключением для Польши и Украины. Так, автор «Зеркала короны Польской», памфлета, изданного в Кракове в 1618 г., обрушивается на краковских купцов-иноверцев, которые «отдают сырые материалы для обработки мастерам-христианам, не принадлежащим к цеховым корпорациям» (то есть партачам)⁸⁰.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в цеховом ремесле торговый капитал вследствие существовавших запретов не мог найти широкого применения. Более благоприятную сферу для него представляло собой ремесло, свободное от мелочной регламентации цеховых уставов. Имеющиеся данные позволяют заключить, что купцы-предприниматели, организовывавшие в XVI — первой половине XVII в. на капиталистических началах производство разобщенных ремесленников, выступали в качестве мануфактуристов. В своем зачаточном виде мануфактура отличается от цехового производства «едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена»⁸¹. Примером в этом случае может служить упоминавшийся выше львовский портной Яков Соколовский, который, помимо своих 10 подмастерьев (вместо трех, дозволенных цеховым уставом), эксплуатировал труд такого же количества партачей⁸². Создание мастерских с числом рабочих до 15 человек

⁷⁵ См. М. Bałaban, *Żydzi lwowskie na przelomie XVI—XVII w. Lwów. 1906.* str. 452—453.

⁷⁶ Филиал ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, д. 54 (57. 64), док. 470, лл. 1150, 1153.

⁷⁷ М. Bałaban. Указ. соч., стр. 483, 488.

⁷⁸ W. Łoziński. *Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach (1384—1640). Lwów. 1889,* стр. 13, 71.

⁷⁹ L. Chałowiczowa. Указ. соч., стр. 103—104.

⁸⁰ С. А. Бершадский. *Литовские евреи. СПб. 1883,* стр. 86.

⁸¹ К. Маркс. *Капитал. Т. I. М. 1950,* стр. 328.

⁸² «Нариси історії Львова», стр. 40—41.

и больше В. И. Ленин считал последним шагом на пути превращения простой кооперации в мануфактуру⁸³.

Таким образом, есть достаточные основания утверждать, что средневековое ремесло на Украине под влиянием развития производительных сил и роста рыночных связей уже в XVI—первой половине XVII в. стало обнаруживать явные признаки разложения. В тех отраслях производства, продукция которых была рассчитана на более широкий спрос, цеховое ремесло начинает сталкиваться с зарождавшимся капиталистическим производством⁸⁴. Такой же процесс наблюдался, по мнению Б. А. Рыбакова⁸⁵, К. Н. Сербиной⁸⁶ и др., в России. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что феодализм и здесь вступил в свою «нисходящую» стадию.

Углубление общественного разделения труда привело не только к возникновению и росту городов, но и к известному географическому разделению труда в стране. Появились районы железодельного, медеплавильного, суконного, полотняного, кожевенного, мыловаренного, деревообделочного, гончарного и других производств⁸⁷. Экономическое развитие каждого из таких районов, а также всех их вместе изучено еще мало, и в связи с этим нет данных для новых аргументированных обобщений по этому вопросу. Ясно лишь одно: общественное разделение труда, начиная приблизительно с XVI в., было исходным пунктом складывания всероссийского рынка. «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма), — пишет В. И. Ленин, — является общественное разделение труда»⁸⁸. Начавшаяся ликвидация хозяйственной обособленности отдельных областей страны, которая нашла свое отражение, в частности, в постепенном упразднении таможенных барьеров⁸⁹, также является, на наш взгляд, признаком начавшегося движения феодализма по нисходящей линии и зарождения в недрах его новых, буржуазных отношений. Слияние отдельных областей на основе растущего товарного обращения и образование национальных связей, по словам В. И. Ленина, «было ничем иным как созданием связей буржуазных»⁹⁰.

Наконец, можно ли о начале «нисходящей» стадии феодализма судить также и на основании явлений, происходивших в политической сфере жизни общества? Безусловно, можно. Важнейшим событием политической истории XV—XVI вв. было образование Русского централизованного государства. Хотя последнее возникло как организация господствующего класса феодалов, создание его было обусловлено социально-экономическими явлениями, которые по природе своей противостояли феодальному хозяйству, зиждившемуся на чисто натуральной основе. Такими факторами следует считать прежде всего развитие городов и товарно-денежных отношений в стране, подтачивавших замкнутость отдельных областей и способствовавших их хозяйственному сближению и последующему объединению. Наряду с мелкими феодалами горожане были кровно заинтересованы в образовании единого централизованного госу-

⁸³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 335.

⁸⁴ См. Ф. В. Клименко. Западнорусские цехи XVI—XVIII вв. Киев. 1914, стр. 166.

⁸⁵ См. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 746.

⁸⁶ См. К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 175.

⁸⁷ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1, стр. 55—106.

⁸⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 45.

⁸⁹ См. А. Т. Николаева. Отражение в уставных таможенных грамотах XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка. «Исторические записки». Т. 31.

⁹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 138.

дарства, которое в то время могло возникнуть лишь в форме феодальной монархии. Централизованное государство, таким образом, появилось в результате известного компромисса между средними и мелкими феодалами, с одной стороны, и торгово-ремесленным населением городов — с другой. Однако политическая власть при этом оставалась в руках феодалов. В странах с более развитыми товарно-денежными отношениями феодалы были вынуждены больше считаться с интересами горожан. В странах же с более замедленным темпом экономического развития феодалы использовали государственную власть почти исключительно в своих классовых интересах.

В странах к востоку от Эльбы, в том числе и в России, приспособление феодального хозяйства к новым товарно-денежным отношениям происходило при сохранении и даже усилении феодально-крепостнического гнета, в условиях массового закрепощения крестьянства и перехода к такой форме эксплуатации крестьян, как барщина. Этот процесс совершался в условиях ожесточенной классовой борьбы. Значительная часть населения, главным образом сельского, покидала насиженные места и устремлялась на окраины государства. При этом бежали не только неимущие крестьяне, но и зажиточные. Они захватывали с собой обычно сельскохозяйственный и промысловый инвентарь, скот и вообще все необходимое для хозяйственного обзаведения на новом месте. Некоторые хозяева переселялись даже со своими наемными работниками⁹¹. На северных, восточных и южных окраинах России появились области, где крепостнические отношения были менее развиты, чем в центре, а порой и вовсе отсутствовали. В. И. Ленин, имея в виду, что степень развития крепостнических отношений не была одинаковой во всех частях страны, отмечал: «...на наших окраинах... крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее»⁹².

Возникновение таких районов было своего рода брешью в феодально-крепостнической системе. Свободное население вновь колонизованных областей оказывало революционизирующее влияние на закрепощенные массы центра. Феодалы, разумеется, не могли мириться с таким положением. Начиная с XVI в. государственное законодательство преследовало цель не только укрепить крепостничество в центре страны, но и распространить его на окраины. Однако правительство не всегда располагало необходимыми для этого средствами. Поэтому потребовались столетия, чтобы распространить крепостнические отношения на окраины государства. Это стало возможным лишь в результате подавления ряда народных восстаний, для которых окраины являлись своего рода очагами. Но даже и после этого крепостникам не удалось полностью достигнуть того, к чему они стремились.

В ходе этой борьбы крепостническое государство не раз вынуждено было идти на известный компромисс с верхушкой свободного населения окраин. Ярким примером в этом смысле служит история казачества. По существу, начиная с XVI и вплоть до XVIII в., казачьи области — Дон, Яик, Терек, Запорожье — сохраняли право на известную территориальную автономию, самоуправление и т. д., не говоря уже о праве не выдавать беглых, молчаливо признаваемом правительством. В связи с этим возникает чрезвычайно важный вопрос о характере государственных образований, возникавших в ходе борьбы народных масс против крепостничества⁹³. В ряде стран, в частности западноевропейских, такие образования

⁹¹ См. А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства первой половины XVII в. «Исторические записки». Т. 16, стр. 58—64.

⁹² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 552.

⁹³ См. В. Е. Чиркин. Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. «Вопросы истории», 1955, № 9.

существовали обычно недолго, в лучшем случае несколько лет, в России же, Польше и Чехии — десятки и даже сотни лет⁹⁴.

Наряду с этим важнейшим признаком начала «нисходящей» стадии феодализма, по нашему мнению, следует считать и массовые крестьянские восстания, потрясавшие восточноевропейские государства вообще и Русское в частности с XV—XVI веков⁹⁵. За последние годы советские историки много сделали для выяснения антифеодальной сущности этих восстаний⁹⁶. Установлено, что крупные восстания крестьян и горожан начиная приблизительно с XVI в., не говоря уже о мелких, разрозненных выступлениях, заняли целую историческую полосу и были важным этапом в развитии классовой борьбы⁹⁷.

У советских историков нет пока единства в понимании характера крестьянских войн. Значительная часть их, однако, вполне справедливо склонна признавать даже первую в истории России крестьянскую войну начала XVII в. гражданской войной, имевшей целью ниспровержение крепостнических порядков в стране⁹⁸. Крупные антифеодальные движения также являются, по нашему мнению, признаком начала «нисходящей» стадии феодализма, несоответствия старых производственных отношений характеру производительных сил. Выступая против феодально-крепостнического строя, крестьяне и горожане, как известно, стремились стать свободными производителями. В условиях разложения натурального хозяйства, роста товарно-денежных отношений и развития городов такие попытки объективно являлись борьбой не за возврат к старым, патриархальным порядкам, а за установление новых, более передовых по сравнению с феодальными буржуазных отношений⁹⁹.

Начало «нисходящей» стадии феодализма получило отражение также и в области идеологии. С конца XV в. в России распространяются религиозные ереси, часто носившие реформационно-гуманистический характер¹⁰⁰. В XVI в. появились учения, в которых отчетливо развивалась идея о неправомерности крепостничества и содержались призывы к установлению социального равенства. Ереси, как известно, были направлены прежде всего против церкви, являвшейся, по выражению Ф. Энгельса, «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»¹⁰¹. Большой интерес в связи с этим представляет так называемое «рабье учение» Феодосия Косого, в котором идея социального протеста получила наибольшую законченность. Ф. Косой, как известно, выступил с требованием уничтожения официальной церкви¹⁰², что

⁹⁴ В России и Польше — казачьи области, в Чехии — гуситский Табор.

⁹⁵ Восстание под руководством Мухи, крестьянско-казачьи восстания на Украине, восстания в России под руководством Хлопка, Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева и т. д.

⁹⁶ См. Л. В. Черепнин. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. «Вестник» Московского университета, 1952, № 4; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М. 1951; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М. 1955; его же. Булавинское восстание 1707—1708 гг. М.-Л. 1934; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив». Кн. VII. 1951.

⁹⁷ См. А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России. «Вопросы истории», 1957, № 12.

⁹⁸ См. И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 122, 204—208.

⁹⁹ См. В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6; В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2, и др.

¹⁰⁰ См. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное еретическое движение на Руси XIV—начала XVI в. М.-Л. 1955; А. И. Клибанов. Написание о грамоте. «Вопросы истории религии и атеизма». Т. III. М. 1955; его же. Самобытная ересь. «Вопросы истории религии и атеизма». Т. IV. М. 1956.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 128.

¹⁰² См. И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М. 1947, стр. 273.

являлось характерной чертой идеологии нарождавшейся буржуазии в Западной Европе¹⁰³. Проповедь Ф. Косога и других представителей реформационно-гуманистического направления находила горячий отклик в массах. Правительство и церковь вели жестокую борьбу с новыми учениями. Эта борьба особенно усилилась в XVII в. в связи с распространением раскола¹⁰⁴.

Во всех этих учениях призывы к изменению существующих социальных отношений были еще завуалированы религиозными догмами. Но уже в крестьянских войнах эти призывы выступали совершенно открыто. «Центральным пунктом программы Болотникова,— пишет И. И. Смирнов,— главным лозунгом... являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнета»¹⁰⁵. «Вольность и свобода» являлись основными требованиями, выдвигавшимися в ходе народных восстаний XV—XVIII веков. Стремление к уничтожению крепостничества и установлению формального равенства с особой отчетливостью выразилось в массовом «показаченьи» населения, в частности на Украине, во время антифеодальных выступлений и во введении казацких порядков. Современник восстания Болотникова, указывая на это явление, отмечает, что восставшие «в каждом городе поделали своих атаманов»¹⁰⁶. С особенной силой «показаченье», как форма социально-политического устройства, противопоставляемого крепостническому строю, проявилось на Украине в XVI—XVII веках. Образование Запорожской Сечи, например, имело, по словам К. Маркса, то значение, что с этого времени «дух казачества разлился по всей Украине»¹⁰⁷. Спрашивается, могла ли возникнуть задача свержения крепостнического строя, если бы не появились социально-экономические предпосылки, необходимые для этого? Попытки народных масс свергнуть крепостничество насильственным образом, на наш взгляд, являются одним из самых ярких признаков начала «нисходящей» стадии феодализма.

Подведем некоторые итоги. Усиление крепостничества примерно с конца XV — XVI вв. в странах к востоку от Эльбы свидетельствует отнюдь не об укреплении феодализма, а, наоборот, о начале его разложения, о вступлении его в свою «нисходящую» стадию. То, что крепостнические отношения просуществовали в этих странах еще в течение ряда столетий, не противоречит этому основному выводу. Дело лишь в том, что здесь в силу сложившихся условий разложение старых, феодальных и складывание новых, буржуазных отношений, совершалось значительно медленнее, чем в странах Западной Европы. Это обстоятельство дало господствующему классу феодалов большие возможности исподволь приспособиться к новым условиям, консолидировать свои силы, укрепить государственный аппарат и ради сохранения и упрочения старых отношений осуществить второе, а местами (например, на Украине) даже третье «издание» крепостничества. Отмена крепостного права в середине XIX в. в странах к востоку от Эльбы знаменовала собой уже конец «нисходящей» стадии феодализма. Начало же ее восходит ко времени возникновения несоответствия между характером развивавшихся производительных сил и существовавшими производственными отношениями, то есть к концу XV—XVI веков.

¹⁰³ Идеи социального протеста нашли свое выражение также на Украине, в частности в проповедях Ивана Вишенского. «Акты Юго-Западной России». Т. II. СПб. 1865, стр. 241—245 и др.

¹⁰⁴ К началу XVIII в. раскол приобрел столь широкие размеры, что правительство вынуждено было создать специальный орган по борьбе с ним — Раскольничью контору при Сенате (1725 г.).

¹⁰⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. М. 1951, стр. 495.

¹⁰⁶ Там же, стр. 124.

¹⁰⁷ См. журнал «Молодая гвардия». 1926, № 1, стр. 107.